

С ЕГОДНЯ его имя сверкает пестрыми огнями в световых табло реклам, пестрит на полосах газет и страницах еженедельников, с упоением произносятся поклонниками, с недоумением и затаенной завистью — респектабельной буржуазной критикой, озадаченной очередной скандальной выходкой «звезд».

Имя Алена Делона, немногим более полутора десятка лет назад абсолютно не приметное, знаменует ныне апогей успеха, символизируя принадлежность к некоей элите.

«Я уже добрался до вершины горы, дорогая», — говорит актер с царственной усталостью победитель корреспондентке журнала «Эуропо». А Патрику Тевенону, корреспонденту журнала «Экспресс», дает более пространную оценку своего психологического состояния, этой изнанки социального взлета: «Мне 40 лет, и при мысли, что вторая половина моей жизни может быть похожей на первую, мне уже сейчас становится тошно. Я собираюсь оставить кино и как актер, и как продюсер».

Делон вырвался на актерский Олимп из самых низов общества. Его скачок по лестнице классовой иерархии как бы олицетворяет легенду о неограниченных возможностях личности в «свободном» мире. (Эта легенда, сверкающая цветами райских соблазнов, имеет, однако, тусклую, порой даже отталкивающую неприглядную оборотную сторону, которая есть и в сенсационной карьере Делона.)

Делон до сих пор с гордостью называет себя «сыном улицы»; это определение с восхищением повторяют ревнители «массовой культуры». Самый высокооплачиваемый французский актер (один из последних фильмов — «Зорро» — принес ему около четырех миллионов франков), сын мясника, перебивавший скудными заработками. Он прошел через ад колониальной службы в Индонезии и нищету юности, но жандо завладевший всеми благами буржуазной цивилизации не покидала его. Вчера — бедняк, теперь — один из «сильных мира сего», преуспевающий актер, продюсер, бизнесмен.

Сегодня Делон — персонаж буржуазной социальной мифологии, а ее сфера окружена покровом тайны, заманчивой фантастичности героев-кидолов, обитающих в глубинах новых сказок XX века. Но за сказочно-пестрой оболочкой судьбы Делона кроется вполне житейское, достаточно жесткое содержание.

Дебют Делона состоялся в конце пятидесятых годов, в эпоху «новой волны», когда в моде был «непавильонный», «уличный» типаж. Обязательный и красивый юноша в проходной картине с хлестким названием «Будь милый и молчи» начинал, как многие в ту пору.

Спустя всего два года после дебюта он уже играет одну из главных ролей в картине известного мастера, режиссера с мировым именем Рене Клемана «Под ярким солнцем». Образ молодого авантюриста в этой ленте, казалось, предопределил на много лет вперед амплуа Делона:

во множестве вариантов актер изображает на экране перипетии жизни героя, наделенного мертвой хваткой гангстера, циничного и демонически привлекательного. Основологающие черты клемановского персонажа Делон повторяет и в «Искателях приключений», и в «Мелодии из подвала», и в самой совершенной своей работе — картине Жан-Пьера Мельвиля «Самурай». Сентиментальными вариациями этой темы одинокого «ковбоя» асфальтовых прерий он наполняет кинодуэт с Жаном Габеном в фильме «Сицилийский клан».

Но если бы Делон играл только современных флибустьеров, неприкаянных романтических отщепенцев, дерзких, хотя иногда и симпатичных «хищников», наверное, он бы не стал тем Делоном, вокруг которого облик которого сломано столько перьев в западной прессе.

Участие Делона в картинах прославленных мастеров — «Рокко и его братья» и «Леопард» Лукино Висконти, «Затмение» Микеланджело Антониони — нельзя считать лишь стечением обстоятельств, случайным «везением». Во всех этих фильмах он играл самые разные роли. Внутренне мягкого, почти «христосообразного» Рокко Энергичного и самонадеянного-Танкреди в «Леопарде», Неприкаанного, заблудившегося в тупиках нравственной смуты героя «Затмения».

Дают ли основание эти работы актера говорить о глубине его исполнительской культуры?

Не будем торопиться с выводами, а присмотримся поближе к этому баловню кинематографической фортуны. В первую очередь к его экранным «двойникам», ибо роли Делона — в немалой мере отражение и выражение его самого, его взглядов и вкусов, даже конкретных моментов его биографии.

Делоновские герои, как правило, находятся в особо острой, чрезвычайно напряженной, предельно опасной для жизни ситуации. Они

«фатум», вера в «шанс», надежда на счастливый «выигрыш», пожалуй, и есть основа основ поведения его персонажей. Это своеобразное credo игроков, думающих и действующих по законам рулетки. Таких людей мало чем удивишь, им нечего терять, но зато есть что приобретать. Они подавили в себе инстинкт самосохранения, выпустив на волю инстинкты агрессивные, алчные. Горе тем, кто станет им поперек дороги, несчастье их спутникам или спутницам; игроки не знают жалости и прочих привязанностей, в любви и дружбе — это капризы на час.

И все же их суперменство разрушается внезапной прихотью, например перемены обстановки. Сегодня жизнь идет им навстречу, а завтра тянется ко дну. Обреченность на «срыв», катастрофу неизменно запрограммирована в судьбах делоновских героев.

В отличие от героев Лино Вентуры или Жана-Луи Трентиньяна персонажи Делона несравненно более хрупки и нервны, более ломки, в них еще не полностью исчезли благие порывы. За героев Делона зритель как бы опасается, он им сопереживает, ибо чувствует нечто живое за густой коркой отчаянности, бравады и циничного равнодушия к возможной гибели. В героях Делона добрые импульсы еще не совсем погасли под натиском острой, чрезвычайно напряженной, предельно опасной для жизни ситуации. Они

И эти проблески человечности создают вокруг героев Делона ореол притягательности, изредка даже симпатии. Кое-кто из его персонажей вызывает настоящее сострадание. Например, Джинно из фильма режиссера Х. Джованни «Двое в городе».

Судьба этого бывшего уголовника, профессионального взломщика сейфов на редкость драматична. Выйдя очередной раз из тюрьмы, он решает начать новую, честную жизнь. Джинно пытается жить, как все нормальные люди, — женится, работает от зари до зари в типографии и даже готов стать компаньоном своего шефа. Казалось, счастье улыбнулось недавнему вору, изгую общества. Но, увы... На

что он перестал быть игроком, авантюристом, флибустьером, «пиратом асфальта», а попытался выйти из игры? Нет, удел авантюристов — схватка и риск, а не добропорядочная жизнь.

Сегодня Делон — неординарная фигура в западном кинопроизводстве. Он довольно крупный представитель буржуазной кинокоммерции. Как коммерсант, делец и бизнесмен Делон вовсе не лишен изворотливости, сметки, умения ориентироваться. Под то, что приносит доход, он умеет подвести и «философскую» базу, У него есть и своеобразная,

что он перестал быть игроком, авантюристом, флибустьером, «пиратом асфальта», а попытался выйти из игры? Нет, удел авантюристов — схватка и риск, а не добропорядочная жизнь.

Сегодня Делон — неординарная фигура в западном кинопроизводстве. Он довольно крупный представитель буржуазной кинокоммерции. Как коммерсант, делец и бизнесмен Делон вовсе не лишен изворотливости, сметки, умения ориентироваться. Под то, что приносит доход, он умеет подвести и «философскую» базу, У него есть и своеобразная,

что он перестал быть игроком, авантюристом, флибустьером, «пиратом асфальта», а попытался выйти из игры? Нет, удел авантюристов — схватка и риск, а не добропорядочная жизнь.

Сегодня Делон — неординарная фигура в западном кинопроизводстве. Он довольно крупный представитель буржуазной кинокоммерции. Как коммерсант, делец и бизнесмен Делон вовсе не лишен изворотливости, сметки, умения ориентироваться. Под то, что приносит доход, он умеет подвести и «философскую» базу, У него есть и своеобразная,

что он перестал быть игроком, авантюристом, флибустьером, «пиратом асфальта», а попытался выйти из игры? Нет, удел авантюристов — схватка и риск, а не добропорядочная жизнь.

тельностью, понял с первых шагов своей карьеры, по каким законам живет окружающий мир, и принял эти законы к действию. Он почувствовал внутреннюю близость к своим героям. Он и в жизни изо всех сил старался быть «суперменом».

Именно деловая, коммерческая жилка выдвинула Делона на видное место в ряды заправил современной киноиндустрии «массовой культуры». Недаром во множестве интервью он на все лады варьрует мысль, что сразу же почувствовал себя в кино «как рыба в воде». В судьбе Делона есть и оборотная сторона, некое «второе дно». Об этом как раз и говорит Лина Колетти в своем интервью с актером в «Эуропо»:

«Вы, Делон, совершенно особое явление в кино... Ваше прошлое так же сомнительно, как сомнительны ваши герои».

Корреспондент «Эуропо» верно определила наиболее примечательную особенность «феномена» Делона — его сомнительность. У него нет нравственного и эстетического ориентира. Он одинаково гладко играет святого, новоявленного «Христа» — Рокко у Висконти и многочисленных гангстеров-боевиков.

Корни творческой неразборчивости Делона, думается, в том, что он превращает искусство в удобную сферу действия для «человека с умом». Он не просто изучил законы мира, в котором решил преуспеть, он до тонкости изучил психологию тех, «кто живет, словно стадо коров». Он презирает «публику» и одновременно заискивает перед ней. Он постоянно играет в таинственного, недоступного, порядком романтизированного любимца удачи и последовательно подчеркивает свое происхождение, свою обреченность быть «высочкой» и в этом смысле свою близость к простому «человеку с улицы».

Демонстративная, подчеркнутая, с привкусом скандалов и судебных процессов «извращенность» всеобщего «кумира» и есть сейчас лучшая гарантия его успехов, его триумфов, более того — прочности положения, неизблемости социального статуса «кинозвезды».

Когда-то изгой и простодушный Жюльен Сорель пробивался в «высшие сферы», вдохновляясь героическими деяниями Наполеона. Сегодняшних жюльенов сорелей буржуазная критика пытается вдохновить примером Алена Делона. Страсти по герою сменялись страстями по «антигерою».

Он посвятил себя искусству, памятуя лишь о тех правилах, которые надо соблюдать, чтобы преуспеть, чтобы выиграть на всех «номерах» кинематографической рулетки. Сквозь все его киномаски чаще всего проглядывает лицо дельца, бизнесмена, игрока.

Лица сквозь факты

КОЗЫРНАЯ КАРТА АЛЕНА ДЕЛОНА

Рисунок В. ПЕСКОВА

пути Джинно встречается злой, коварный инспектор, он сомневается в честности намерений Джинно, начинает преследовать героя и его жену, терзая их беспричинными подозрениями. Доведенный до отчаяния Джинно в состоянии аффекта убивает мучителя. А дальше — следствие, суд, наконец, гильотина...

На первый взгляд, фильм «Двое в городе» производит впечатление критического произведения. Реализм атмосферы действия, игры актеров действует почти завораживающе. К тому же интерес к судьбе героя подогревается и совпадением сюжетных перипетий с обстоятельствами биографии самого Делона. Подозреваемый в убийстве своего секретаря Марковича, актер в свое время провел немало тягостных часов под узлой смертной казни.

Экранный двойник Делона погибает, и неискушенному зрителю думается, что искусство здесь выступает как суровый комментатор жизни. Но это далеко не так.

Картина «Двое в городе» и роль Делона в ней начисто лишены подлинного пафоса разоблачения. Герою противостоит не общество, а всего лишь отдельный злой индивидуум. Если в фильме и есть обличение, то оно носит скорее отвлеченный, нежели социальный характер. Ведь кто знает, не является ли гибель героя здесь некоей гримасой рока, наказанием за отступничество, за то,

не слишком глубокая, но зато весьма броская «творческая программа». Вот, например, что говорит актер о своем пристрастии к образам «сильных личностей»:

«Я люблю героев. Да, это верно. Я люблю их, как любят все люди. Потому, что герои встречаются очень редко, потому, что мир монотонен, однообразен. И если уж ты хочешь отождествить себя с кем-нибудь, отличным от тебя, то предпочтешь, конечно, героя, а не какого-нибудь кретина. Однако замечьте: я люблю героя сознательно, а не человека, бросающегося с баррикады в состоянии глупой экзальтации». Так рассуждает Делон в интервью корреспонденту «Эуропо».

В этих суждениях приоритетом является сущность Делона-актера.

Характерно, что при любви к «героям» у Делона в плоть и кровь вошла органическая неприязнь к тем, кто «бросается с баррикады». Самопожертвование во имя высших интересов, ради светлых целей освобождения общества Делон называет «глупой экзальтацией». Здесь видна определенность классовой позиции, ощутимо, может, и безотчетное, желание собственника сохранить свое место под солнцем капиталистического благоденствия.

Актер, от природы наделенный умом и сообрази-